

Ближе и ближе...

До Варшавы изъ Петрограда пассажирскій поѣздъ идетъ расписаніемъ воинскаго первой очереди. Ёдемъ тѣсно, но въ общемъ терпимо и довольно быстро, хотя составъ поѣзда превосходитъ высшіе предѣлы.

По желѣзной дорогѣ непрерывнымъ потокомъ текутъ воинскіе поѣзда, текутъ рѣки солдатскія въ громадное солдатское море. Чѣмъ дальше, тѣмъ шире и глубже эти потоки. Все молодое, въ цвѣтѣ силъ, тихое, трезвое, сосредоточенное.

Странное впечатлѣніе производятъ вокзалы. Они многолюдны, по всюду тихо, точно люди говорятъ шопотомъ. Офицеры, солдаты, купцы, рабочіе, дамы и бабы съ дѣтьми и скарбомъ, густо движется народъ, бѣгутъ, несутъ—и тишина. Стоятъ полные людей поѣзда красныхъ вагоновъ—и тихо. Только пчелкой гудитъ въ глубинѣ вагона задумчивая пѣсенка.

Встрѣчаю солдата. Подбирая полы шинели, онъ бѣжитъ на звуки сборной трубы въ поѣздъ.

— До свиданья!—говорю ему, протягивая руку.

— Счастливо оставаться!—говоритъ онъ, крѣпко отвѣчая на рукопожатіе.

Побѣжалъ, обернулся и издала повторилъ мое слово — До свиданья! Спасибо на добромъ словѣ...

Скрестились поѣзда, нашъ и воинскій, окно къ окну, на разстояніи двухъ аршинъ. Сидятъ на нарахъ солдаты, молодыя лица, застѣнчивыя улыбки. Все население нашего вагона подошло къ окнамъ, передаютъ, что есть: газеты, книги, табакъ, сѣбственное, чай, сахаръ, деньги. Генералъ купилъ у бабы корзину булокъ и раздаетъ въ вагоны, строгимъ голосомъ прикрывая свое умиленіе:

— Ну-ка, ты, разиня! Бери, передавай товарищамъ.

Тронулся ноѣздъ. Солдаты, вагонъ за вагономъ, машутъ намъ фуражками, кричатъ:

— Оставайтесь здоровы!

Молодая дѣвушка въ нашемъ вагонѣ плачетъ, машетъ платкомъ и сквозь слезы кричитъ:

— Будьте цѣлы, дорогіе! Возвращайтесь здоровыми, родные!

Въ душѣ у всѣхъ глубокое волненіе. Ибо не только Государь и его генералы, всѣ мы, сто пятьдесятъ миллионовъ, мысленно провожаемъ ихъ такъ: „Умрите, но побѣдите!“. Вотъ, что мы думаемъ, провожая каждого солдата.

Ахъ, какая великая и всеочищающая душевная мука!

Мирны поля. Одно за другимъ гаснутъ закатныя облака. Тихіе перелѣски, села. Все молитвенно-задумчиво и тихо, какъ люди. Такое настроеніе, будто кто-то невидимый надъ русскими полями читаетъ великопостную молитву Ефрема Сирина:

...„Духъ праздности, унынія, любоначалія и празднословія не даждь ми“...

Ушами не слышно, а въ душѣ въ эти важные дни звучить онъ день и ночь. Мысленно преклоняются колѣни и въ сердцѣ отдается эхомъ: „Не даждь ми“!

„Духъ же цѣломудрія, смиренномудрія, терпѣнія и любви даруй ми, рабу Твоему!..“—читаетъ большой и властный.

„Даруй ми“...—помимо воли повторяютъ, шепчуть губы многовѣковой великопостный призывъ.

Чѣмъ дальше отъ Петрограда на западъ, тѣмъ непосредственнѣе, тѣмъ ощутительнѣе тревога войны. И есть на этомъ пути такая черта, за которой ужъ никто не можетъ ни о чемъ, кромѣ войны, думать и говорить. Живутъ люди, ходятъ на работу, на службу, любятъ, устраиваютъ свою жизнь, но на всемъ—велѣнія войны, все ей подчинено — мысли, чувства, поступки, даже сны.

Надъ Вѣлостокомъ уже видѣлъ я нѣмецкій аэропланъ. Онъ прилетѣлъ съ юго-запада, около одиннадцати часовъ утра. Было ясное небо, свѣтило солнце, и городъ, полный людью, гудѣлъ отъ движенія автомобилей, повозокъ, телѣгъ, конскаго бѣга. Увидѣвъ аэропланъ, улицы приостановились; все поднялись лица въ небо и слѣдили высокій полетъ бѣлой стрекозы.

Послышались далекіе, пачками, выстрѣлы. Аэропланъ сдѣлалъ торопливый загибъ и улетѣлъ на западъ. Городъ снова задвигался, зашумѣлъ, загудѣли автомобили.

Въ вагонахъ пассажирскихъ поѣздовъ все люди властно захваченные войной. Они торопливо и напряженно плетутъ порванную войной великую ткань мирной жизни. Вотъ возвращаются изъ Берлина (черезъ Данію, Швецію, Петроградъ) курортные. Они измучены и

нервно говорливы. Они много волновались, но мало наблюдали. И рассказы ихъ, въ большинствѣ, безсодержательны. Но слушаешь внимательно; хочется безъ преувеличенія знать, въ какой мѣрѣ ослабѣваетъ нашъ врагъ.

Вотъ полякъ-помѣщикъ изъ-подъ Радома, отвезъ свою семью въ Вильну, самъ возвращается въ имѣніе. Мы сидимъ другъ противъ друга, молчимъ, а заговоримъ, такъ о войнѣ. Я чувствую, что и молча онъ все время думаетъ о войнѣ.

— Въ августѣ числа десятаго, — рассказываетъ онъ, — проѣхали черезъ мое имѣніе германцы, цѣлый корпусъ. У меня въ домѣ остановился штабъ корпуса, двадцать офицеровъ и одинъ генераль. Были очень вѣжливы, просили ихъ кормить, дать лошадямъ сѣно, овесъ. Жили у меня три дня. Уѣзжая, уплатили за свое содержаніе русскими деньгами двадцать одинъ рубль, по рублю съ человѣка. За лошадиный кормъ дали расписку на семьдесятъ рублей.

— Ну, а какъ вели себя солдаты?

— Солдаты были въ сосѣднихъ имѣніяхъ. Тоже, говорятъ, не обижали. Только разъ одинъ къ моему арендатору-огороднику забрались солдаты въ огородъ, хотѣли даромъ набрать овощей. Онъ прибѣжалъ ко мнѣ, я доложилъ генералу. Генераль распорядился, чтобы этого не было.

— Ну, а какъ вы сами жили въ домѣ?

— Очень стѣснялись. А главное — жутко; ночью вокругъ дома стоитъ цѣпь солдатъ съ ружьями на прицѣль... Нѣмцы не такъ на часахъ, какъ наши; у нихъ ружье на локтѣ, къ выстрѣлу... Съ 8 часовъ вечера намъ запрещалось выходить изъ комнатъ. Когда

они уѣзжали, взяли у меня три рабочихъ лошади, а вмѣсто нихъ оставили своихъ, измученныхъ, еле на ногахъ стояли. А кони хорошіе, откормлю—рублей по четыреста будутъ стоять... Много у нихъ было автомобилей, нѣсколько сотъ. Выѣхали отъ насъ по дорогѣ раннимъ утромъ,—загудѣли, какъ громъ.

Сидимъ долго, молчимъ. Увидитъ въ окна вагона солдатъ, повозки,—вздыхаетъ и мечется на лавкѣ жалевая и нервная пухлая еврейка.

— Охъ, охъ, Боже-жъ мой!

Можетъ быть, черезъ часъ послѣ этого разговора помѣщикъ улыбается и говоритъ:

— А рожи у солдатъ червонныя!.. Много толстыхъ. Ухъ, ухъ, такъ и отдуваются,—ходить не могутъ.

У него и сомнѣнія не возникаетъ въ томъ, что я пойму это, какъ продолженіе нашего разговора о германскомъ корпусѣ, который провель у нихъ три дня. Ибо мысли его тянутся одной непрерывной цѣпью въ которой каждое звено—война.

Полагалъ я, вотъ человѣкъ захваченъ вплотную войной со всѣмъ своимъ имуществомъ, семьей, всѣмъ благосостояніемъ. Такъ, можетъ, у него есть такое желаніе, чтобы война, хоть бы какъ-нибудь, только скорѣе окончилась. Спросилъ его и былъ взволнованъ отвѣтомъ.

— Мы, пане, только одного боимся, чтобы война на половинѣ не остановилась. Воевать надо до полной побѣды. Намъ тяжело, ахъ, какъ тяжело! Ну такъ, вѣдь, если на половинѣ теперь остановиться,—черезъ десять лѣтъ опять будетъ война. Нѣтъ ужъ, воевать надо до конца.

Холоднымъ розовымъ утромъ ѣхалъ я по улицамъ

варшавскаго предмѣстья. Втягивая голову въ теплое кольцо шарфа, кучеръ показалъ кнутовищемъ:

— Нѣмецъ летаетъ!

Надъ городомъ плавалъ бѣлорозовый цепелинъ, точно небольшое, заостренное съ двухъ концовъ облако. Туго толкнулся въ воздухъ гулъ далекаго взрыва. Кучеръ приостановилъ лошадей и высунулъ изъ шарфа волосатое ухо. Послушалъ, хлеснулъ лошадей и раздраженно сказалъ:

— Та стѣрва, куда забрался!

Холоднымъ паромъ куталась полноводная Висла. Въ пролеты чугунной сѣти моста было видно, какъ неуклюже заворачивается бѣлое облако цепелина. Повернулся концомъ, сталъ круглымъ, почти невидимымъ водянистымъ пятномъ. Еще гулъ выстрѣла.

На набережной Вислы со стороны города, несмотря на ранній часъ, стояла куча народу. Сонные, озябшіе отъ испуга и холодныхъ испареній рѣки рабочіе, бабы, мальчишки, полицейскіе. Засунувъ въ карманъ руки, кутались холодными воротниками пальто, вздрагивали, пританцовывали. И въ окнахъ домовъ мелькали встревоженныя лица. Но городъ пустъ и сонный. Улицы, какъ длинныя свѣтлыя трубы между домами, безплодны и чисты.

Радостно засыпалъ я въ чистой кровати роскошной гостиницы. Пусть бросаютъ бомбы, только бы уснуть... Вблизи всякая опасность проще и не такъ пугаетъ, какъ издали. Даже самая смерть не такъ страшна, какъ о ней думаютъ.
